

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Отзыв

официального оппонента о диссертации Казакова Алексея
Ашировича
«ЦЕННОСТНАЯ АРХИТЕКТОНИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО» представленной на соискание учёной
степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертационное исследование А.А. Казакова посвящено творчеству выдающегося русского писателя – Ф.М. Достоевского. Наследие великого романиста по праву считается существенным элементом вклада русской литературы в мировую культуру, а достоевковедение – одна из самых бурно развивающихся отраслей отечественного и мирового литературоведения. Диссертация А.А. Казакова связана с этим актуальным направлением развития филологической науки. Это, с одной стороны, обеспечивает интерес научного сообщества к данному труду, но с другой стороны – предполагает высокий уровень требований к исследовательскому уровню работы.

Включённость диссертации А.А. Казакова в контекст интенсивно развивающихся достоевковедческих исследований, строящихся на продуктивном синтезе религиозно-философского и поэтологического подходов, обеспечивает **актуальность** работы.

Очень трудно найти собственное слово на фоне огромного количества работ по творчеству Достоевского, но диссертант проходит это испытание блестяще. Мир Достоевского предстаёт в работе А.А. Казакова в новом свете, будучи рассмотрен через новую методологическую «оптику». Причём эта «оптика» не какая-то субъективная вариация, игра наследием классика, призванная искусственно стимулировать наш интерес к хорошо знакомому художественному материалу (именно так нередко происходит в контексте постмодернистского литературоведения нашего времени). Как представляется, обновление принципов рассмотрения, предложенное А.А. Казаковым, приближает нас к аутентичному

восприятию наследия русского классика, к «настоящему» Достоевскому.

Методологический инструментарий, который предлагает и детально разрабатывает в своей диссертации А.А. Казаков, – ценностный подход. Аксиологические (и шире – герменевтические) исследования также относятся к наиболее **актуальным** направлениям научного поиска в современной гуманитаристике.

Диссертанту удастся сформулировать принципиально новую модель аксиологической организации художественного произведения, которое предполагает (в терминологии разбираемого исследования) не содержательное, а архитектурное наполнение ценности. С этим связана **научная новизна работы**.

А.А. Казаков возводит генеалогию своего методологического подхода к философской эстетике М.М. Бахтина (именно оттуда заимствуется категория «архитектоника»), а также бахтинской интерпретации мира Достоевского, прочитанного через призму диалогического взаимодействия Я и Другого.

Обновление нашего понимания наследия М.М. Бахтина тоже следует считать насущной задачей. Можно согласиться с автором диссертации, утверждающим, что «бахтинская методология так и не вошла по-настоящему в широкую исследовательскую практику, несмотря на пристальное внимание к его наследию мировой гуманитаристики и активное заимствование его понятий (с переносом их в совершенно иные теоретические контексты). Вклад Бахтина в методологию ценностного анализа всё ещё нельзя считать «пройденным этапом» гуманитарной науки» (с. 47).

Думается, из-за собственной исследовательской скромности диссертант преуменьшает масштаб собственного вклада, почтительно склоняясь перед тем, что сделал великий предшественник. У Бахтина не были последовательно различены модели диалога как встречи Я и Другого или множества Я, содержательная и архитектурная наполненность позиции Другого и т.д. Возможно, это объясняется тем, что русский мыслитель стремился дать все варианты функционирования диалогического принципа – в том числе побочные, далёкие от ядра его концепции, но это привело к тому, что были услышаны только

эти побочные элементы, легко усваивающиеся другими методологиями (гегельянской, семиотической, постструктуралистской и т.д.) без настоящего понимания эпистемологического послания Бахтина.

Жёсткая, полемически заострённая постановка вопроса об архитектурной (а не содержательной) сущности диалога у Достоевского, которую осуществил А.А. Казаков, была необходима. Это несколько сужает предмет рассмотрения, поскольку содержательное измерение диалога у Достоевского, разумеется, тоже присутствует, но зато позволяет не потерять вновь самый главный элемент диалогического мира, как это уже было в истории восприятия книги М.М. Бахтина о Достоевском.

Одну проблему диссертант гласно объявил нерешённой у М.М. Бахтина: вопрос о характере архитектурной дружости авторской позиции у Достоевского. Ответ на этот вопрос А.А. Казаков формулирует в разделе о «Преступлении и наказании», но можно сказать, что ему в целом посвящена вся работа. Это не частная, сугубо специальная проблема, как может показаться на первый взгляд – с точки зрения вне предлагаемой эпистемологической парадигмы. Это элемент, который позволяет диалогизму сложиться в законченную, исчерпывающую модель не только жизненного, но и художественного события; теперь он не выглядит подновлённой и приукрашенной старой моделью художественного мира, а убедительно оформляется в нечто совершенно новое.

Перечисленные **теоретические положения** (различение диалога как взаимодействия Я и Другого и взаимодействия множества Я, архитектурного и содержательного аспекта диалогизма, характеристика архитектурной Дружости авторской позиции у Достоевского), разработанные соискателем **можно квалифицировать как новое крупное научное достижение.**

Продуктивным представляется также осложнение заданного Бахтиным теоретического контекста за счёт подключения методологических решений, найденных в рамках немецкой феноменологической герменевтики (Мартин Хайдеггер и Георг Гадамер). Это позволяет диссертанту обосновать понимание ценности как бытийного феномена. Это подразумевается и в контексте бахтинской событийной «первой философии», но всё же не было

специально сформулировано русским мыслителем как некая отчётливая дефиниция.

В целом методологическая проработанность основных понятий работы, активное привлечение концепций самых разных философов (от Гегеля до Бахтина и Хайдеггера) позволяет говорить о междисциплинарном характере исследования А.А. Казакова. Это, несомненно, одно из достоинств работы. Хотя с этим же связана и возможная претензия к диссертанту: хотелось бы, чтоб в работе более чётко был выделен собственно литературоведческий предмет рассмотрения, были выделены границы философского и литературоведческого анализа.

По структуре работа состоит из пяти глав. Четыре из них посвящены творчеству Достоевского: первая – раннему («Бедные люди» и «Двойник»), вторая – переломному моменту середины 1860-х гг. («Записки из подполья» и «Преступление и наказание»), третья – заграничным романам Достоевского («Идиот» и «Бесы»), четвёртая – позднему творчеству писателя («Подросток», «Кроткая» и «Братья Карамазовы»). Можно спорить о выборе материала, о допустимости пропусков, которые мы видим в этом перечне, но следует признать, что сделанный отбор позволил диссертанту достичь главной цели: показать модель ценностной архитектоники в произведениях Достоевского в её сушностном своеобразии и эволюции.

Пятая глава посвящена рассмотрению мира Л.Н. Толстого в аспекте ценностной архитектоники. Выделение отдельной главы по творчеству Толстого в книге, непосредственно посвященной Достоевскому – достаточно необычное структурное решение. Хотя рассмотрение феномена действительно лучше всего проходит в случае видения его границ, на фоне того, что «сделано по-другому». И больше всего для такого определения границ при исследовании Достоевского действительно подходит его «вечный спутник» Л.Н. Толстой. Возможно и в этом рассмотрении Достоевского «на фоне» Толстого для А.А. Казакова срабатывает авторитетный пример М.М. Бахтина.

Так или иначе глава о Толстом показывает, что предложенный А.А. Казаковым методологический подход не замкнут на творчестве Достоевского, а может стать универсальным инструментом анализа художественного произведения, хотя и будет требовать существенного уточнения в каждом конкретном случае. Глава о Толстом подтверждает широкое гуманитарное значение теоретических и аналитических положений, сформулированных в работе А.А. Казакова.

Первая глава работы, посвященная ранним произведениям Достоевского, приоткрывает генезис ценностной архитектоники произведений писателя. В частности, показана связь (прямого или полемического характера) с наследием Пушкина и Гоголя, с сентиментальной традицией и программой натуральной школы. В этой главе создан контекст для проблемы архитектурной Другости авторской позиции (поскольку здесь она еще не обретена Достоевским) и для принципа «внутренней правды», который осмысливается в работе как основная модель видения героя у писателя (в раннем творчестве герой видится пока что на основе содержательного суммирования его «человечности» из «сердца и мыслей»).

Важнейшим обретением этой главы является обнаружение «белкинской» модели ценностной организации человеческой жизни, как это названо в работе, – восходящей к Пушкину аксиологической модели, которая строится как самоорганизация жизни на основе общепринятых («конвенциональных») представлений о том, что хорошо и что плохо.

В подразделе, посвященном «Двойнику» А.А. Казаков предлагает собственное решение одного из «больных» вопросов достоевковедения: вопроса о природе так называемого «фантастического реализма» Достоевского. А.А. Казаков аргументированно доказывает недостаточность бытующего представления о сущности фантастического реализма Достоевского, который понимается, как «некий искаженный реализм, видоизмененный за счет дестабилизирующих и проблематизирующих минус-факторов <...> Иначе говоря, мы до сих пор остаемся в пределах оценки Белинского, даже если относимся к Достоевскому апологетически, видим в его творчестве принципиальное расширение возможностей реализма, решительный шаг вперед по сравнению с реализмом, который «мелко плавает» (с. 107–108). По мысли диссертанта, напротив, фантазмагорическая модель реальности, выстроенная в «Двойнике», не отклоняется от того, что предлагает Белинский, а доводит концепцию критика до конца, до абсурдного предела (пусть этот «двойник» реализма по Белинскому и не признаётся самим критиком). Как утверждает диссертант, повесть «Двойник» воплощает представления Достоевского о реальности, воспринятой «натуральным» взглядом, то есть после снятия ценностной выстроенности, на основе безлично-объективного взгляда.

Во второй главе, посвященной «Запискам из подполья» и «Преступлению и наказанию», диссертант показывает, как этот этап

творческого пути Достоевского стал моментом оформления новаторской ценностной архитектоники Достоевского. В частности, именно здесь обретен принцип «внутренней правды» – под этим понятием диссертант подразумевает найденный Достоевским подход к человеку как немотивированному ценностному присутствию (немотивированность в данном случае означает, что человеку не надо предметно доказывать своё «право» на признание ценности своего существования, «право» считаться человеком – а именно это происходит в других аксиологических системах, даже в раннем творчестве самого Достоевского).

В этой же главе даётся ответ на главный вопрос работы: какова природа авторской Другости в художественном событии у Достоевского. Обретение ответственной авторской позиции как позиции Другого по отношению к герою диссертант связывает с переходом от исповедального повествования в черновых редакциях «Преступления и наказания» к итоговому варианту построения романа и видит в найденной писателем форме соотносённость с евангельской моделью Другости: относись к ближнему, как Бог относится к тебе.

Третья глава диссертации строится на основе анализа романов «Идиот» и «Бесы», в которых развивается обретенная Достоевским новаторская ценностная архитекtonика. Эти романы рассматриваются А.А. Казаковым, как произведения, непосредственно посвященные разбору онтологического положения таких ценностных феноменов, как добро и зло. На примере истории Мышкина рассмотрен кенотический характер добра у Достоевского, а на примере героев «Бесов» рассмотрена проблема инобытийности зла.

Архитектонический подход позволил А.А. Казакову сделать существенный вклад в решение проблемы статуса страдания в мире Достоевского. Ценностно-оправдывающий характер страдания, как аргументированно показывает автор диссертации, у Достоевского может быть правомочно утверждён только с позиции Другого, но не с позиции самого страдающего Я. Самооправдание страданием недопустимо (как это показано в истории Настасьи Филипповны в «Идиоте»).

Четвёртая глава, посвящённая позднему творчеству писателя, подробно анализирует вопрос о значении в творческой эволюции Достоевского возвращения к исповедальной структуре в ряде произведений середины 1870-х гг. Кроме того, подробно рассмотрен вопрос о такой вариации взаимодействия Я и Другого, как отношения отцов и детей.

На фоне глубокого и продуктивного рассмотрения названной вариации диалогической архитектуры мира Достоевского заметнее лакуна в анализе, проделанном А.А. Казаковым. Последовательно осуществленному разбору творческого мира Достоевского с точки зрения Я и Другого ощутимо не хватает систематического разбора любовной линии в произведениях писателя, которая несомненно является одним из важнейших вариантов взаимодействия Я и Другого. Можно также заметить и определённое «ущемление прав» женских персонажей Достоевского в контексте работы А.А. Казакова. Эта нераскрытость любовной линии признаётся самим автором работы в Заключении – диссертант предлагает считать раскрытие этого вопроса одной из перспектив работы, но этого, как представляется, недостаточно.

Последняя глава посвящена пробной попытке применения «оптики» ценностной архитектуры к миру Л.Н. Толстого. Переходом между основной частью работы, посвященной Достоевскому, и главой о Толстом служит подраздел, посвященный оценке Достоевским мира Толстого с точки зрения собственной новаторской ценностной архитектуры. Хотя возможно логика движения исследователя была противоположной: восприятие Достоевским Толстого оказалось важным материалом, дополняющим наблюдения об архитектурном строе произведений создателя полифонического романа, а потом исследовательская справедливость заставила обратиться к аксиологическому строю мира толстого в его собственной перспективе.

Представляются очень продуктивными наблюдения о том, что, считая Толстого не более чем продолжателем Пушкина (но не новатором), Достоевский видит в мире романиста-современника реализацию «белкинской» аксиологии, подробно проанализированной в работе А.А. Казакова. В разборе архитектуры Толстого «в собственной перспективе» особого внимания заслуживают наблюдения о соотношении прозаического и героического, о взаимодействии миражного и полновесно существующего, о подобию «прояснения» реальности в исторической деятельности кутузова и художественной деятельности самого автора.

Всё это позволяет утверждать, что в работе А.А. Казакова решён целый ряд крупных научных проблем, имеющих существенное значение для соответствующей отрасли знаний – и шире – важное социально-культурное значение. Как справедливо отмечено в диссертации: «Эстетическая деятельность опирается на те же архитектурные основания аксиологической активности (например, различение позиций Я и Другого) и

становится лабораторией по выработке позиций, сценариев, моделей ценностного отношения к себе самому, к другому человеку, к самой реальности, которые нужны именно в контексте действительной жизни» (с. 5–6).

Таким образом, есть все основания заключить, что диссертация А.А. Казакова представляет собой исследование, посвященное актуальной теме, научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, обоснованы и достоверны, содержат принципиально новый вклад в науку и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленным настоящим Положением. Основные результаты диссертации полно представлены в 50 научных публикациях, в числе которых одна монография, два учебных пособия и 8 статей в изданиях, рекомендованных ВАК; автореферат соответствует основным идеям и выводам диссертации. Сделанные замечания лишь показывают, что диссертация может стать основой продуктивной полемики и не умаляют её ценности.

Диссертационное исследование Казакова Алексея Ашировича «Ценностная архитектоника произведений Ф.М. Достоевского» соответствует требованиям, которые предъявляются к диссертациям, представленным на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, а её автор, безусловно, заслуживает присуждения искомой учёной степени.

Официальный оппонент
доктор филологических наук
по специальности
10.01.01 – Русская литература
профессор кафедры теории,
истории и методики преподавания
литературы ФГБОУ ВПО
«Алтайская государственная
педагогическая академия» _____ Семькина Роза Сан-Иковна